

ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ ДЕРЖАВИ І ПРАВА, МІЖНАРОДНЕ ПРАВО

УДК 341(045)

Зияфат Аскеров,
доктор философии по праву, профессор

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Бакинский государственный университет
ул. Халилова, 23, AZ-1148, Баку, Азербайджан
E-mail: ziyafat.asgerov@meclis.gov.az

Цель: проведение подробного анализа формирования и развития принципа правовой определенности с учетом существующего в юридической литературе разнообразия мнений. **Методы:** анализ концептуальных идей и правовых документов, посвященных принципу правовой определенности. **Результаты:** в статье проведен подробный анализ вопросов формирования и развития принципа правовой определенности с учетом существующего в юридической литературе разнообразия мнений. Отмечено, что в области права и практики принцип правовой определенности является одним из основных элементов правового государства. Европейский суд по правам человека в ряде своих решений охарактеризовал принцип правовой определенности. Например, в Постановлении по делу «Sovtransavto Holding v. Ukraine» Европейский суд заявил, что принцип правовой определенности является одним из основополагающих аспектов правового государства (верховенства права). Европейский Суд справедливости, являющийся высшим судебным органом Европейского Союза, подчеркнул, что принцип правовой определенности является неотъемлемой частью европейского права, следовательно, все структурные органы Европейского Союза, а также государства-члены обязаны соблюдать этот принцип. Далее в статье принцип правовой определенности рассмотрен как конституционный принцип, который в течение длительного периода времени органически связан с концепцией правового государства в Германии. Именно из германского права этот принцип был привнесен в международное право, в частности в прецедентное право Европейского суда по правам человека, а также в национальные правовые системы. **Обсуждение:** проведение научных дискуссий по вопросам закрепления принципа правовой определенности в любом международном договоре, включая Европейскую конвенцию о правах человека.

Ключевые слова: юридическая наука; правовое государство; правовая система; разделение власти; государственная власть; верховенство права; верховенство закона; правовая определенность; правовые нормы.

Постановка проблемы и ее актуальность. В юридической науке и практике однозначно признается, что принцип правовой определенности является одним из основных элементов правового государства. Именно так охарактеризовал принцип правовой определенности Европейский суд по правам человека в ряде своих решений [1]. Например, в своем решении по делу «Sovtransavto Holding v. Ukraine» Европейский суд заявил, что принцип право-

вой определенности является одним из основополагающих аспектов правового государства (верховенства права) [2]. А Европейский Суд справедливости, являющийся высшим судебным органом Европейского Союза, подчеркнул, что принцип правовой определенности является неотъемлемой частью европейского права, следовательно, все структурные органы Европейского Союза, а также государства-члены обязаны соблюдать этот принцип [3].

В Германии в течение длительного периода времени принцип правовой определенности рассматривался как конституционный принцип, органически связанный с концепцией правового государства (Rechtsstaat). Именно из германского права этот принцип был привнесен в международное право, в частности в прецедентное право Европейского суда по правам человека, а также в национальные правовые системы. Следует отметить, что принцип правовой определенности не был прямо закреплен ни в одном международном договоре, в том числе в Европейской конвенции о правах человека. Хотя статья 7 Конвенции, запрещающая назначение незаконных наказаний и ретроактивность уголовного закона (принцип *nullum crimen nulla poena sine lege*), по существу, основана на принципе правовой определенности и, следовательно, требует соблюдения этого принципа.

В практике Европейского суда по правам человека ссылка на принцип правовой определенности впервые применялась в 1979 году в деле «*Marckx v. Belgium*». В этом решении Суд отметил, что «принцип правовой определенности, как положение, вытекающее из содержания Европейской Конвенции о правах человека, позволит Бельгийскому государству не прибегать к пересмотру судебных решений или ситуаций, имевших место до принятия настоящего Судебного решения» [4]. Ниже мы покажем, что после этого дела Страсбургский суд неоднократно сослался на принцип правовой определенности.

Цель настоящей статьи заключается в подробном анализе вопросов формирования и развития принципа правовой определенности с учетом существующего в юридической литературе разнообразия мнений.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы формирования и развития принципа правовой определенности в международном и внутригосударственном праве подробно исследованы в работах J. Raitio, L. Fuller, M. Fenwick, M. Siems, E. Paunio, U. Bernitz и других авторов.

Изложение основного материала. Основной целью правовой определенности является

защита отдельных лиц от возможного произвола судебной власти. Принцип правовой определенности служит формированию определенности и уверенности у отдельных лиц и других субъектов права. Без правовой определенности закон не может выполнять свои функции в обществе. Ниже мы подробно опишем, что недостаточно ясная и понятная форма написания закона и, следовательно, если неоднозначное понимание закона, его неверное толкование, применение закона к случаям, имевшим место до его вступления в силу, а также пересмотр вступившего в силу судебного решения противоречит принципу правовой определенности, и подобные случаи не должны допускаться в правовом государстве.

Принцип правовой определенности, если так можно выразиться, охватывает всю «жизнь» права. Этот принцип распространяется и на законотворческую деятельность (как с точки зрения законодательной техники, так и в контексте содержания законов), и на исполнение законов (главным образом со стороны исполнительных структур) и на отправление правосудия (принцип *res judicata*).

Следующие принципы, которые известный американский правовед Лон Фуллер называл «принципами внутренней морали права», в сущности, охватывают все аспекты правовой определенности: 1) общность законов; 2) публикация законов; 3) недопустимость ретроспективности законов; 4) ясность и недвусмысленность законов; 5) неустановление законами обязанностей, исполнение которых невозможно; 6) нечастое изменение законов; 7) соответствие действий государственных органов заранее установленным законам [5]. Принцип правовой определенности, прежде всего, требует, чтобы нормы права были ясными и точными. Это означает предсказуемость возможных последствий закона, то есть предсказуемость последствий поведения субъектов права (*foreseeability*). А это, в свою очередь, означает, что закон должен быть провозглашен населению до его применения и должен быть написан достаточно четко и ясно, чтобы индивид мог регулировать свое поведение.

Для стабильности правоотношений и для адекватного выполнения регулирующих и защитных функций права в системе общественных

отношений крайне важно, чтобы субъекты правоотношений были заранее проинформированы о возможных последствиях своих действий (или бездействия), и понимали эти последствия. В противном случае не будет применяться известный из древнеримского права принцип *nemo censetur ignorare legem* (незнание закона не освобождает от ответственности), потому что в данном случае речь идет не о незнании закона, а о невозможности понимания закона по вине законодателя.

Принцип правовой определенности требует, чтобы у субъектов права не было никаких сомнений в отношении правовой нормы, которая может быть применена в конкретное время и в определенном месте, и, следовательно, сомнений о законности или незаконности определенных действий или бездействия. Принцип правовой определенности также охватывает требование о том, что нормы, изложенные в законодательстве, не должны быть нарушены независимо от воли индивидуума, и чтобы индивидуум не оказался в неопределенном положении.

Одним из существенных элементов принципа правовой определенности является способность субъектов права предвидеть результаты своего поведения. Применение обратной силы закона, несомненно, является нарушением этого требования. С этой точки зрения, никто не должен нести ответственность за деяние, которое не считалось правонарушением в момент, когда оно было совершено. Это важное требование закреплено в пункте 1 статьи 7 Европейской конвенции по правам человека, где написано: «Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления». Аналогичное положение содержится в пункте 1 статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* («Нет закона – нет преступления и наказания») впервые был закреплен в «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года. Законы *ex post facto* также были запрещены в Конституции США 1787 года. Учитывая важность этого принципа для правового государства, ряд стран придали ему конституционный статус (см.: например, пункт 2 статьи 15 Конституции Румынии, статья 54 Конституции Российской Федерации).

Важно отметить, что право не подвергаться ретроспективному применению уголовного закона является одним из основных прав человека и входит в перечень прав, которые никоим образом не могут быть ограничены (см. пункт 2 статьи 15 Европейской конвенции о правах человека).

В Постановлении Европейского Суда по правам человека по делу Корбей против Венгрии подчеркивается, что статья 7 Европейской конвенции о правах человека не ограничивается обратной силой норм уголовного права в ущерб интересов обвиняемого. Кроме того, эта статья охватывает более общие принципы. Согласно этим принципам, только закон может определять состав преступления и, следовательно, наказание за совершение данного преступления. В частности, закон запрещает расширенное толкование норм уголовного права (например, по аналогии) в ущерб интересов обвиняемого. Суть этих принципов заключается в том, что национальное законодательство должно четко определять состав преступления [6].

Принцип правовой определенности, точнее, требование предсказуемости последствий закона включает в себя такой важный момент, что все нормативные правовые акты должны быть опубликованы. Требование публикации нормативных актов исходит из логики права: лицо обязано соблюдать только те нормы, которые публикуются в том виде, чтобы каждый мог иметь к нему доступ. Здесь также речь идет о принципе *pop obligat lex nisi promulgata* («закон не может быть обязательным до тех пор, пока он не опубликован»), унаследованного от римского права. С другой стороны, никто не может быть привлечен к ответственности из-за несоблюдения нормативного правового акта, который не был опубликован.

Добавим, что требование публикации нормативных правовых актов вытекает также из содержания свободы информации, а точнее, одной из ее важнейших составляющих – права на доступ к информации. Исходя из принципа правовой определенности, необходимо, чтобы закон не остался на бумаге и был реализован. Это также означает, что закон должен быть реализуемым. Поэтому, до принятия закона и после его принятия крайне важно выяснить, будет ли он эффективно применяться. Другими словами, при рассмотрении вопроса о правовой определенности не следует упускать из виду *ex ante* и *ex post* оценку законодательства.

Правовая определенность также требует соблюдения принципа *res judicata*. Это означает, что окончательные решения, вынесенные внутригосударственными судами, не должны оспариваться. Категоричность судебного решения выражена в следующем изречении, унаследованном из римского права: *res judicata pro veritate habetur* (судебное решение должно приниматься за истину). Это, конечно, не исключает право подавать жалобу в международный судебный орган на решение внутригосударственного суда, противоречащее международно-правовым обязательствам данного государства. Правовые механизмы, которые до сих пор существуют в ряде стран и позволяют отменять окончательные судебные решения в любое время, на неопределенный срок, противоречат принципу правовой определенности. Например, в 1999 году Европейский Суд по правам человека, рассмотрев дело «Bumarescu v. Romania», пришел к выводу, что Верховный суд Румынии, получив статус *res judicata* на основании ходатайства Генерального прокурора этой страны, то есть отменив окончательное решение суда, допустил нарушение принципа правовой определенности и, соответственно, право на справедливое судебное разбирательство по делу, закрепленное в пункте 1 статьи 6 Европейской Конвенции о правах человека [7]. Аналогичная позиция нашла свое отражение в Постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Rahmanova v. Azerbaijan» [8].

Принцип правовой определенности может также оправдать определенные ограничения прав, такие как назначение конкретных сроков для обжалования какого-либо решения или определение сроков привлечения к уголовной ответственности. Однако нарушение Европейской конвенции о правах человека может иметь место также в том случае, если сроки, указанные в законе, были истолкованы слишком узко, без учета обстоятельств дела [9]. Европейский суд по правам человека также указал, что вынесение противоречивых решений в рамках Верховного Суда страны противоречит принципу правовой определенности. Поэтому требуется, чтобы суды, в особенности суды высшей инстанции, создали механизмы для предотвращения противоречивых решений и обеспечения последовательности и системности в их практике. С этой точки зрения, принцип правовой определенности имеет решающее значение для оправдания доверия ответственности к судебной системе [10].

В соответствии с принципом правовой определенности, парламент страны не может отменить основные права человека посредством неопределенных законов. Это, несомненно, обеспечивает значительно большую правовую защиту индивида в отношениях с государством и его представителями [11].

Правовая определенность также означает, что обещания государства и его обязательства, взятые на себя перед физическими лицами, должны, как правило, выполняться (*принцип законных ожиданий*). Принцип законных ожиданий (*principle of legitimate expectations*), по сути, очень близок к принципу сохранения доверия (*Vertrauensschutz*), широко распространенному в немецком публичном праве. Отметим, что во французской правовой системе применяется аналогичное понятие «защита законного доверия» (*protection de la confiance légitimé*).

Принцип законных ожиданий, являющийся важным компонентом принципа правовой определенности, исходит из интересов людей. Суть этого принципа заключается в том, что люди должны полагаться на существующий правовой статус, то есть у них должно быть такое законное ожидание, что существующая правовая ситуация останется неизменной в течение определенного

періода времени. Именно на этом убеждении люди могут без колебаний принять определенные решения, например, вложить инвестиции, начать любую предпринимательскую деятельность или обратиться в суд с иском. Если правовая ситуация неожиданно быстро изменится и если это противоречит интересам отдельных лиц (определенной группы лиц), то ожидания этих лиц будут «сведены на нет» и им может быть причинен ущерб. Если лицо возбудит иск по этому вопросу, суд (или другой компетентный орган) должен ответить на три основных вопроса. Во-первых, следует установить, что являются ли ожидания индивидуума, будь то продолжение силы того или иного закона или нормативного акта, законными и должны ли быть защищены эти ожидания. Следует иметь в виду, что не каждое ожидание является законным, и нет никаких оснований для того, чтобы оправдать каждое ожидание. Если на первый вопрос дан положительный ответ, на втором этапе определяется справедливый баланс между личными интересами (прежняя правовая ситуация осталась без изменений) и интересами государства или общественными интересами, способствующими принятию нового закона или нормы. Если предпочтение отдается государственным или общественным интересам, на третьем этапе должен быть решен вопрос о том, может ли лицо, интересы которого были затронуты, требовать компенсации за причиненный ему ущерб или не может этого делать. Следует отметить, что правовая ситуация в отношении конкретного лица (или лиц) может определяться административными актами, хотя в общем случае правовая ситуация определяется законами и другими нормативно-правовыми актами. Следовательно, лицо может иметь законные ожидания как от законодателя, так и от административных органов.

Наконец, стоит отметить еще один важный момент: если законное ожидание индивида не оправдывается, он может подать в суд даже в том случае, если его субъективные права не нарушены. Еще один фактор, вытекающий из принципа правовой определенности, заключается в том, что вступившие в законную силу

судебные решения должны выполняться. В одном из дел, рассмотренных Европейским судом по правам человека, Суд отмечает, что исполнение судебных решений по спорам между двумя частными лицами может потребовать вмешательства государственных органов (например, полиции) для предотвращения любого «частного правосудия»; потому что «частное правосудие» («private justice») полностью противоречит идее правового государства [12]. В другом деле Европейский суд подчеркнул, что выполнение государством своих обязательств по обеспечению исполнения судебных решений является одним из важнейших элементов правового государства и принципа правовой определенности [13].

Все вышесказанное является, по нашему мнению, достаточным основанием для следующих **выводов**. Согласно принципу правовой определенности, государственные органы обязаны соблюдать окончательное решение об освобождении лица из-под стражи. Позиция Европейского суда по правам человека заключается в том, что содержание под стражей лица, не основанное на конкретной норме права или на судебном решении, само по себе противоречит принципу правовой определенности [14].

Наряду с вышесказанными, принцип правовой определенности не означает, что нормы права должны применяться без учета принципов справедливости и гуманизма. Правовая определенность также не означает, что закон не может предоставить государственным органам дискреционные полномочия; наоборот, при необходимости государственный орган может обладать определенными дискреционными полномочиями при условии, что существуют процедуры для предотвращения злоупотребления этими полномочиями. В этом контексте закон, регулирующий полномочия государственного органа, должен четко определять объем этих полномочий. Выражение юридической дискреции, предоставляемой органам исполнительной власти в форме неограниченной власти, противоречило бы идее правового государства. Следовательно, объем и порядок реализации любой дискреции должны быть четко закреплены в законе, индивиду должна быть обеспечена адекватная защита от произвола и злоупотреблений [15].

Литература

1. Baranowski v. Poland (28.03.2000). URL: www.echr.coe.int; Ryabykh v. Russia (24 July 2003). URL: www.echr.coe.int; Kutepov and Anikayenko v. Russia (25 October 2005). URL: www.echr.coe.int; Beian v. Romaina (06.12.2007). URL: www.echr.coe.int.
<https://doi.org/10.5040/9781509911820.ch-010>
2. Sovtransavto Holding v. Ukraine (25 July 2002). URL: www.echr.coe.int
3. Raitio J. The Principle of Legal Certainty in EC Law. Berlin-Heidelberg-Dordrecht, Springer Science and Business Media, 2003, 398 p.
4. Marckx v. Belgium (13.06.1979), Publications of the European Court of Human Rights, Series A, vol. 31.
5. Fuller L. The Morality of Law. New Haven, Yale University Press, revised edition, 1973, p. 262.
6. Korbely v. Hungary (19.09.2008). URL: www.echr.coe.int
7. Brumarescu v. Romania (28.10.1999). URL: www.echr.coe.int
8. Rahmanova v. Azerbaijan (10.08.2008). URL: www.echr.coe.int
9. Miragall Escolano v. Spain (25.01.2000). URL: www.echr.coe.int; Phinikari-dou v. Cyprus (20.12.2007). URL: www.echr.coe.int
10. Beian v. Romania (06.12.2007). URL: www.echr.coe.int
11. The Council of Europe and the Rule of Law - An overview, CM (2008)170, 21 November 2008.
12. Matheus v. Belgium (31.03.2005). URL: www.echr.coe.int
13. Taskin and Others v. Turkey (30.03.2005). URL: www.echr.coe.int
14. Baranowski v. Poland, (28.03.2000). URL: www.echr.coe.int, Svipsta v. Latvia (09.03.2006). URL: www.echr.coe.int

15. The Council of Europe and the Rule of Law - An overview, CM (2008) 170, 21 November 2008.

References

1. Baranowski v. Poland (28.03.2000). URL: www.echr.coe.int; Ryabykh v. Russia (24 July 2003). URL: www.echr.coe.int; Kutepov and Anikayenko v. Russia (25 October 2005). URL: www.echr.coe.int; Beian v. Romaina (06.12.2007). URL: www.echr.coe.int
2. Sovtransavto Holding v. Ukraine (25 July 2002). URL: www.echr.coe.int
3. Raitio J. The Principle of Legal Certainty in EC Law. Berlin-Heidelberg-Dordrecht, Springer Science and Business Media, 2003, 398 p.
4. Marckx v. Belgium (13.06.1979), Publications of the European Court of Human Rights, Series A, vol. 31.
5. Fuller L. The Morality of Law. New Haven, Yale University Press, revised edition, 1973, p. 262.
6. Korbely v. Hungary (19.09.2008). URL: www.echr.coe.int
7. Brumarescu v. Romania (28.10.1999). URL: www.echr.coe.int
8. Rahmanova v. Azerbaijan (10.08.2008). URL: www.echr.coe.int
9. Miragall Escolano v. Spain (25.01.2000), www.echr.coe.int; Phinikari-dou v. Cyprus (20.12.2007). URL: www.echr.coe.int
10. Beian v. Romania (06.12.2007). URL: www.echr.coe.int
11. The Council of Europe and the Rule of Law - An overview, CM (2008)170, 21 November 2008.
12. Matheus v. Belgium (31.03.2005). URL: www.echr.coe.int
13. Taskin and Others v. Turkey (30.03.2005). URL: www.echr.coe.int
14. Baranowski v. Poland, (28.03.2000). URL: www.echr.coe.int, Svipsta v. Latvia (09.03.2006). URL: www.echr.coe.int
15. The Council of Europe and the Rule of Law - An overview, CM (2008) 170, 21 November 2008.

PRINCIPLE OF LEGAL DETERMINATION

Baku State University
Khalilov str., 23, AZ-1148, Baku, Azerbaijan
E-mail: ziyafat.asgerov@meclis.gov.az

Purpose: conducting a detailed analysis of the formation and development of the principle of legal certainty, taking into account the diversity of opinions existing in the legal literature. **Methods:** analysis of conceptual ideas and legal documents on the principle of legal certainty. **Results:** the article provides a detailed analysis of the issues of formation and development of the principle of legal certainty, taking into account the diversity of opinions existing in the legal literature. It is noted that in the field of law and practice, the principle of legal certainty is one of the main elements of the rule of law. The European Court of Human Rights has in a number of its decisions characterized the principle of legal certainty. For example, in the judgment of the *Sovtransavto Holding v. Ukraine* the European Court of Justice stated that the principle of legal certainty is one of the fundamental aspects of the rule of law (rule of law). The European Court of Justice, which is the highest judicial body of the European Union, emphasized that the principle of legal certainty is an integral part of European law, therefore, all structural bodies of the European Union, as well as member states, are required to comply with this principle. Further in the article, the principle of legal certainty is considered as a constitutional principle, which for a long period of time is organically linked with the concept of the rule of law in Germany. It was from German law that this principle was introduced into international law, in particular, in the case law of the European Court of Human Rights, as well as in national legal systems. **Discussion:** conducting scientific discussions on the consolidation of the principle of legal certainty in any international treaty, including the European Convention on Human Rights.

Keywords: legal science; constitutional state; legal system; separation of powers; government; the rule of law; law supremacy; legal certainty; legal norms.